

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 80.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-1-67-77>

Синтаксическая аномалия: «от слова *совсем*»

Александр Васильевич Зеленин

Университет Тампере, г. Тампере, Финляндия, aleksandr.zelenin@tuni.fi,

<https://orcid.org/0000-0003-2656-8457>

Аннотация. Цель статьи – представить комплексный социолингвистический и экспрессивно-синтаксический анализ выражения «от слова *совсем*», распространившегося в русском языке с начала XXI в. Компьютерный сленг – возможный источник возникновения фразеосхемы, ее полевая структура: ядро (*от слова*) и периферия (*совсем*). В статье высказана гипотеза о возможности рассмотрения данной модели как аграмматизма и парцеллированной конструкции. Формирование фразеосхемы в сленге сопровождалось семантико-прагматическими и грамматическими изменениями: десемантизацией ядра (преобразованием словоформы *от слова* в сигнально-речевую отсылку к эмоциональной сфере говорящего) и употреблением полифункционального наречия *совсем* в функции усилительно-оценочной частицы. Переход модели в общее употребление (благодаря компьютерно-опосредованной коммуникации) вызвал дальнейшие языковые трансформации: наполнение периферийной части разнообразной частеречной лексикой, позволяющей адресантам выражать экспрессию и оценку амбивалентно – как с негативной, так и с позитивной коннотацией. В статье представлены случаи использования конструкции в русском языковом пространстве, высказаны прогнозы ее использования в контекстах с гиперинтенсивной экспрессивностью. Методы исследования: системный, дефиниционный, классификационный, метод моделирования, прогностический.

Ключевые слова: фразеосхема, аграмматизм, экспрессивный синтаксис, аксиологическая амбивалентность, парцеллированная конструкция, выражение «от слова *совсем*», социолект, компьютерно-опосредованная коммуникация, медиа

Для цитирования: Зеленин А. В. Синтаксическая аномалия: «от слова *совсем*» // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 1. С. 67–77. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-1-67-77>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Syntactic anomaly: "ot slova *sovsem*" ("from the phrase *at all*")

Aleksandr V. Zelenin

Tampere University, Tampere, Finland, aleksandr.zelenin@tuni.fi,

<https://orcid.org/0000-0003-2656-8457>

Abstract. The article aims to present a comprehensive sociolinguistic and expressive-syntactic analysis of the phrase "ot slova *sovsem*" ("from the phrase *at all*") which has become widespread in the Russian language since the beginning of the XX1st century. Computer slang is a possible source of this fixed phrase scheme; its field structure consists of the core *ot slova* and the periphery zone *sovsem*. The article hypothesizes that it is feasible to consider this model as an agrammatism and a parcelled construction. The formation of this fixed phrase scheme was accompanied by semantic-pragmatic and grammatical shifts such as desemantisation of the core (the word form *ot slova* transformed into a signaling speech reference to the speaker's emotional sphere) and the use of the polyfunctional adverb *sovsem* as an intensifying evaluative particle. The transition of this model to general usage (due to computer-mediated communication) caused further language transformations: the periphery zone enriched with diverse words of different parts of speech, which enables addressers to convey expressiveness and evaluation ambivalently, i. e. with both negative and positive connotations. The paper presents contexts of this construction usage in the Russian language space (*sprachraum*) and makes prognoses concerning its use in contexts characterised by hyperintense expressiveness. The research relies on the systemic, definitional, classification, modelling, and prognostic methods.

Keywords: fixed phrase scheme, agrammatism, expressive syntax, axiological ambivalence, parcelled construction, phrase "ot slova *sovsem*", sociolect, computer-mediated communication, media

For citation: Zelenin A. V. Syntactic anomaly: "ot slova *sovsem*" ("from the phrase *at all*"). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2022;83(1):67–77. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-1-67-77>.

Введение. В русском языке в последние десятилетия наблюдается интенсивное развитие экспрессивного синтаксиса на основе расчлененности фразы; в частности, расширилось использование парцелированных и несогласованных конструкций в письменных формах языка, предполагающих неформальное общение, отражающих разговорную стихию (интернет-коммуникация, блоги, форумы). В качестве примера можно упомянуть следующую грамматическую конструкцию: *Времени нет. От слова совсем; Система образования оказалась не готова к дистанционному обучению от слова совсем* (Яна Никольская. 9.04.2020, www). Эта грамматическая конструкция у одних пользователей сети вызывает резкое неприятие и осуждение, другие, напротив, считают ее яркой экспрессивной фразой, позволяющей пишущему выразить свое отношение к тому или иному факту, сообщаемому в предложении. Появление данной фразы в русском языке в начале XXI в., переживающей к тому же в последние годы интенсивные трансформации, острые дискуссии о правомерности ее использования ставят многие исследовательские вопросы о ее происхождении, хронологизации, тенденциях развития. «<Для лингвиста> нет в процессе изучения... ни “правильного” и “неправильного” в языке, ни “красивого” и “некрасивого”, ни “удачного” и “неудачного” и т. д., и т. д. ...<В> конечном итоге он ни одного факта не осудит, а лишь изучит» [Пешковский 2014: 110].

Журналист П. Масалыгина в 2018 г. провела небольшой социолингвистический опрос. Его цель — выявить «модную» в наши дни лексику. Журналист получила более 7 000 ответов, возраст ответивших — от 25 до 34 лет. Распределив полученные в результате опроса фразы и слова, П. Масалыгина, не претендуя на научную строгость эксперимента, выделила среди прочих группу: «Слова, употребляемые в новых, несвойственных им значениях», куда попало, в частности, данное выражение с авторским комментарием: «от слова совсем — полностью, совершенно, совсем нет. Обычно эту фразу используют для усиления смысла сказанного: *денег нет. От слова совсем. Замечаний к тексту нет. От слова совсем. Мне не нравится. От слова совсем*» [Масалыгина 2020: 169].

Цель статьи — представить комплексный социолингвистический и экспрессивно-прагматический анализ выражения «от слова *совсем*» (в его вариациях) в русском языке.

Исследовательские вопросы, решаемые в статье: 1) характеристика семантических и грамматических трансформаций в процессе зарождения фразеосхемы и ее полевой структуры (ядро — периферия); 2) социолингвистическая хронологизация (от сленга — к узуализации); 3) развитие синтаксического «пучка» конструкций, созданных по данной модели, ее дальнейшие трансформации в ядре и периферии; 4) прогнозы о возможных изменениях.

История изучения. Грамматическая конструкция стала объектом рассмотрения в статье С. С. Белоусова, который, исходя из первого компонента фразы (*от слова*), посчитал, что «корни ее, по-видимому, следует искать в клише школьных уроков русского языка и литературы» [Белоусов 2016: 73]; см. также исследования М. М. Вознесенской, О. И. Северской [Вознесенская, Северская 2019], А. Михайловой [Михайлова 2020]. В лингвистических работах данный словесный комплекс называется *модальный оператор, парцелированный интенсификатор, формальная идиома, метаязыковой оператор, сленговый аграмматизм*.

Интенсивность появления новых слов и значений в современном языке столь велика, что словари не успевают за их регистрацией, эту функцию часто берут небольшие словарики, помещаемые на страницах газет и журналов или на сайтах профессиональных филологов, любителей словесности. Впервые фразы «от слова *совсем*», «от слова *вообще*» в категории «модных» слов фиксируются в мини-словарике «Новой газеты» (2015, № 39) в значении ‘подчеркивает полное отсутствие чего-либо’. Любопытно, что сочетание вскоре попало даже в учебник [Колесникова 2019: 289] как пример появления и укрепления новых устойчивых выражений в повседневном дискурсе. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) содержит только две цитаты с выражением «от слова *совсем*», корпус Araneum Russicum Maximum, использованный А. Михайловой для демонстрации частотности и позиции данного сочетания в предложении, охватывает период начиная с 2013 г. — времени

появления в корпусе текстов русскоязычного Интернета [Михайлова 2020]. Для изучения хронологии и лексико-семантической истории данного фразеологизированного комплекса мы обратимся к более глубокой и обширной по охвату базе данных – корпусу Интегрум¹, содержащему, в частности, полные тексты центральных и региональных газет и журналов (с конца 1980-х – начала 1990-х гг.), сводки информационных агентств и осуществляющему мониторинг теле- и радиопередач, интернет-СМИ.

Этапы возникновения фразеосхемы. По всей вероятности, именно модель «от слова *совсем*» выступила исходной конструкцией, в последующем развившей в русском языке широкую вариативность.

Начало употребления сочетания «от слова *совсем*» в электронной базе «Интегрум» датируется первыми годами XXI в. в сленговых контекстах, связанных с компьютерной техникой:

...мне надо сделать провода нужной длины и с нужными коннекторами для своего старого блока питания, но если покупать все брендовое, то интерес уже к самостоятельному тюнингу теряется по несколько раз *от слова совсем*, проще новый БП [блок питания. – А. З.] купить даже за космические деньги и его подправить под свои нужды (Overclockers.ru. 14.03.2003);

Каким местом «Эверест» – отечественный софт???? Это клон линукса да еще и под архитектуру sparc. Да пусть хоть 1000 раз клон, главное – чтобы делали у нас. А в чем тогда смысл? Если уж делать ОС (операционную систему. – А. З.) – то целиком свою, а не на импортном ядре. Только это нереально *от слова совсем* (Котлин.Ру (Кронштадт). 2004, 11.02.2004).

Электронно-компьютерный сленг – одна из сфер некодифицированного употребления языка, где происходили и происходят существенные для русского языка изменения, которые быстро транслируются в повседневный обиход в связи с мощным и непрерывным совершенствованием компьютерно-технических устройств, средств и каналов коммуникации. Небольшое число компьютеров у пользователей, малая возможность пользоваться электронной почтой, замкнутость и специализированность возникших интернет-сетей, форумов – экстралингвистическая причина того, что выражение достаточно

длительное время оставалось в пределах сленга программистов, компьютерщиков.

Лингвистическая природа фразеологизированного комплекса. Нормативно-узусальное употребление словосочетания «от слова + X» в русском языке обычно охватывает две преимущественные сферы: 1) какое-либо слово ведет свое этимологическое или смысловое происхождение от слова X; 2) в сочетании с глаголом: прекратить использование слов взамен других форм коммуникации. Приведем примеры грамматических моделей:

Хотелось бы рассказать о хамстве, подлости, предательстве наших современников, отделившихся от народа и ведущих ради своих корыстных целей антинародную, безбожную политику, названную в XIX веке нигилизмом, *от слова «ничто»*, в смысле если нет бога, то позволено всё (Наш голос (Тамбов). 31.03.2011);

«Маски» [популярная в 1990-х – начале 2000-х гг. комик-группа, выпускавшая телесериал в стиле немого кино. – А. З.] *отказались от слов совсем*, зато разработали незатейливый, но точный зрительный ряд, строго соответствующий заявленному в названии группы «масочному» имиджу (Коммерсантъ-Daily. 1994, № 134).

В первой цитате *ничто* этимологизирует латинское *nihil*. Во втором примере наречие *совсем* относится к глаголу *отказаться* с обязательным (сильным) управлением *от слов*; наречие занимает постпозицию с экспрессивным прагматическим заданием. Порядок слов *совсем отказаться от слов* следует признать стилистически нейтральным, постпозицию и дистантное расположение наречия относительно глагола (*отказаться от слов совсем*) – стилистически маркированным, экспрессивным.

Грамматическую конструкцию с фразеологизированным значением «от слова *совсем*» назовем фразеосхемой. Это инвариантная структурно-семантическая модель группы варьируемых фразеоконструкций, отражающая относительную стабильность форм и семантики [Мокиенко 1980: 35]; термин широко используется в исследованиях по русской и славянской фразеологии (Д. Н. Шмелев, И. А. Мелкумова, В. Н. Телия, М. Леонидова и др.) как в синхроническом, так и диахроническом аспекте.

Фразеосхема «от слова *совсем*» имеет следующие языковые атрибуты:

¹ См.: <http://www.integrumworld.com/>

1) фраза служит экспрессивно-усилительным средством той лексемы в предложении, которую говорящий сочтет нужным подчеркнуть, актуализировать;

2) опорная (базовая) словоформа *от слова* выступает в застывшем (фразеологизированном) виде в форме единственного числа;

3) синтаксическая связь опорной словоформы с лексемой *совсем* — примыкание (семантические, формальные морфолого-синтаксические связи отсутствуют);

4) первоначальная сфера использования — письменная форма речи в непринужденном общении среди компьютерщиков.

Попытаемся реконструировать структурно-семантические звенья формирования фразеосхемы. Психолингвистическим мотивом явилось стремление пишущих обновить экспрессивные языковые средства для выражения индивидуально-авторской оценки какого-либо сообщаемого факта, темы, события. Игровое начало ярко проявилось в процессе создания фразеосхемы: для этой цели было выбрано исходное словосочетание с аргументирующей («этимологизирующей») семантикой: *X происходит от слова Y*. Во фразе произошли следующие трансформации: 1) эллиптизация глагола (*происходит*); 2) выбор и закрепление словоформы *от слова* как игровой «псевдонаучной» основы нового фразеологизма; 3) десемантизация (лексическое опустошение) словоформы *от слова* и включение ее в эмотивный дейксис — указания на эмоциональную сферу говорящего как базу оценки; 3) субституция компонента *У* наречием *совсем*, его десемантизация и использование в функции частицы в усилительном (субъективно-модальном) значении; 4) формирование полевой структуры фразеосхемы (ядро — периферия) с ядерным компонентом и вариативностью периферийных элементов.

Фразеосхема построена по структурно-полевому принципу, где вычленяются центр (инвариантная база) и периферия (вариативная часть). Ядро грамматической модели *от слова* можно назвать квазимотиватором или псевдомотиватором, оно выполняет (со стороны говорящего/пишущего) сигнальную функцию — привлечения внимания адресата к высказываемой адресантом оценке. Периферия фразеосхемы представляет

подвижный, варьируемый лексический комплекс, выполняющий экспрессивно-оценочную функцию.

В исследовательских работах также встречается указание на возможное смысловое влияние (с игровыми целями) словосочетаний, построенных по принципу паронимической аттракции в шутливо-игровых контекстах, широко представленных в разговорном и публицистическом дискурсах. Нарочито использованная ложная этимология ставшего уже хрестоматийным выражения типа *художник от слова худо* давно обыгрывается в устной речи и художественной литературе; ср. примеры источников первой трети XX в.:

Ребенок, хорошо рисовавший, очень обижался, когда его называли художником, потому что слово *художник* он производил от слова *худо* (Русская школа. 1906. № 11. С. 151);

Серобаба — художник большой силы. — *Художник* от слова *худо*, — сказал Никанор, раскрыв рыжую пасть, — *хе-хе...* (И. Ильф, Е. Петров. Весельчак. 1927).

Паронимическая аттракция широко употребляется во многих сферах современного русского языка:

— в жаргонно-сленговом употреблении (субъективно-авторской мотивацией служит сходство некоторых графических элементов):

Asus X-Series. «X» — это *от слова* «хорошо» или от слова «плохо»? (Overclockers.ru. 19.03.2003);

Собственно, зачем петь дифирамбы этой машине, разбирая по косточкам поведение родстера 350Z? Z — это *от слова* «здорово», если не сказать больше (Автопанорама. 2005, № 5);

— в публицистическом стиле; журналисты используют этот прием для привлечения внимания читателей, предлагая свои, авторские, контекстологические или ситуативные вариации (с разной степенью удачности, творческой инновативности):

А тебе надо в фигурное катание идти. *От слова «фига»*, — сказал Мерзлякин и показал фигу из трех пальцев... (Комсомольская правда. 26.12.2013);

Дорога от слова «дорого». По данным, которые прозвучали в Постоянном представительстве Республики Саха (Якутия) при Президенте Российской Федерации, 1 километр дороги с твердым покрытием стоит 1,5 млрд. рублей (Аргументы недели. 09.10.2019).

Таким образом, ассоциативные каламбуры, основанные на народной (ложной, игровой, шутовой) этимологии и давно апробированные в русском разговорном и литературном пространстве, могли служить, очевидно, лингвоэстетической смыслопорождающей основой аграмматической фразы «от слова *совсем*» в русском компьютерном сленге на рубеже XX–XXI вв.

Игровой аграмматизм как механизм порождения фразеосхемы. Между словоформой *от слова* и наречием-частицей *совсем* в неологическом фразеологизме, очевидно, намеренно был выбран следующий тип соединения лексем: лексический алогизм и отсутствие формально-грамматической связи. Такие случаи широко встречаются в современной коммуникации, часто квалифицируемые как аграмматизм и оцениваемые в разных аспектах: и как стилистический прием, и как факт роста аналитизма в русском языке [Степанов 2020: 48]², и как медийная инновация [Трофимова 2011: 253; Вознесенская, Северская 2019; и др.]. Термин *аграмматизм* давно вышел за пределы нейролингвистики (патологии и порождения речи) и используется при описании явлений рассогласования морфолого-синтаксических функций.

Проявления аграмматизма в электронно-опосредованной коммуникации (смс-сообщения, блоги, твиты) привлекают внимание специалистов; об этом писали английские исследователи, где влияние компьютерной коммуникации на язык началось раньше, чем в русском [Crystal 2001: 83]. Зафиксирован и активно изучается этот процесс и в русском языке: «Основной чертой синтаксиса предложения является тенденция к аграмматизму, т. е. отклонению адресантом от синтаксических и пунктуационных норм КЛЯ (кодифицированного литературного языка. – А. З.)...» [Литневская 2011: 75], «<р>еципиенты текстов в ГС (глобальной сети. – А. З.) воспринимают подобные нарушения норм с высокой степенью толерантности» [Иванов 2001: 141].

Аграмматизм построен на намеренно использованной говорящими/пишущими аномалии, основанной на отклонении от ожидаемого логико-семантического результата языкового сообщения. Для социолекта компьютерщиков такое языковое нарушение выступало как игровое, конвенциональное, для «непосвященных» – как логическая, семантическая и грамматическая ошибка. Действительно, если говорящий использует аномалию, ориентируясь на языковую компетенцию других членов микроколлектива и употребляемые ими языковые средства, то такая языковая игра нравится и поддерживается в микрогруппе; напротив, вне языковой среды подобная аномалия раздражает других пользователей языка.

В разговорной речи аграмматические высказывания присутствуют всегда, они могут даже не замечаться, пропускаться собеседниками, поскольку конситуативность общения многое прощает говорящим, однако, будучи перенесенными в письменную сферу языка, аграмматические элементы воспринимаются уже иначе. Перенос аграмматизма в письменную форму актуализирует, акцентирует аномальность и наполняет ее прагматической экспрессивностью; таким образом, то, что в разговорной речи может восприниматься как коммуникативно нерелевантный феномен, становится в письменной форме коммуникативно релевантным, значимым, привлекающим внимание.

Расширение социолингвистического использования фразеосхемы. Интересно отметить такой статистический и медийный факт: поисковые запросы, проведенные в базе данных «Интегрум», явственно фиксируют следующие тенденции: а) взрыв употреблений модели «от слова *совсем*» в электронно-медийном пространстве (блоги, форумы, электронные средства информирования) начинается с 2014 г.; б) расширение употребления начинается с региональной прессы, постепенно захватывая и центральную, федеральную; в) в электронных версиях изданий «левой» направленности (социалистических, коммунистических) использование модели было (и остается) частотнее, чем в других медийных источниках; г) в русскоязычной электронно-медийной сфере за пределами бывшего СССР (в дальнем зарубежье) эта

² См. также: Стилистический энциклопедический словарь русского языка / ред. М. Н. Кожина. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 648 (СЭС).

экспрессивная модель не получила распространения (отмечены немногочисленные случаи в последние годы).

На этапе возникновения фразеосхемы «от слова *совсем*» в компьютерном сленге состав компонентов оставался достаточно стабильным, инвариантным; новизна фразы обеспечивала выражение игровых прагматических интенций пользователей данного социолекта. Однако в связи с развитием компьютерно-электронных устройств, бурным возникновением блогов, мессенджеров, социальных сетей и вовлечением в компьютерно-опосредованную коммуникацию миллионов человек эта конструкция оказалась выведена из узкой сферы в общее пользование.

Социолингвистический аспект связан с охватом числа говорящих: чем уже круг людей, воспринявших и поддерживающих эту языковую инновацию, тем быстрее она нейтрализуется, шаблонизируется в стилистическом отношении, утрачивает эффект необычности, новизны, аномальности. Конвенционализация (выход за пределы сленга и укрепление фразы в общемедийной сфере) фразеосхемы «от слова *совсем*» вызвала следующие трансформации: 1) изменение полюсов экспрессивной оценочности; 2) значительное расширение репертуара компонентов в периферийной зоне конструкции; 3) столкновение с требованиями узальности, нормативно-языковой правильности, синтаксической корректности, лексико-грамматической понятности.

Структурная трансформация компонентов фразеосхемы. Полевая структура объясняет устойчивость ядра (*от слова*) как материального носителя фразеосхемы и вариативность периферийной зоны (*совсем*), которая претерпевала в русском медийном дискурсе модификации. Наречие *совсем* входит в лексико-морфологическую группу наречий меры и степени; синонимами являются, в частности, количественно-модальные слова: *очень*, *вовсе*, *вообще* (разг. *вааще*), *полностью*, *совершенно*, *абсолютно*, *максимально*, *напрочь* (разг.).

Очевидно, синонимизация элементов в периферийной зоне фразеосхемы началась уже в компьютерном сленге:

...по сути есть электрические измерители (самый яркий пример — нагрудный датчик)

и все остальные, причем остальные для контроля пиков не подходят *от слова вообще*, только для контроля среднего пульса и оценки нагрузки на тело (Overclockers.ru. 07.05.2003);

На вилке же pci-e блока питания всегда три пины +12, без вариантов. И неважно, какая это вилка, восьмиконтактная или шести. Таким образом, между двумя этими как бы разными подключениями нет никакой реальной разницы по мощности, *от слова вааще* (Там же. 29.11.2005).

Значительное развитие модель получила в общем медийном поле, расширяя свой состав в периферийной зоне за счет синонимов и квазисинонимов:

А это предполагает санкции в отношении всей финансовой системы. *От слова «полностью»*, — сказал Абзалов (REGNUM. 20.12.2019);

Изучая геном этого вируса (SARS-CoV-2. — А. 3.), генетики уверяют, что не видят искусственных следов — только следствие естественной эволюции. Есть еще один важный момент: синтезировать вирус с нуля дорого *от слова очень*. Баснословно (Комсомольская правда. 20.03.2020).

Ядро (базовый инвариант) обнаруживает минимальную вариацию, нами зафиксирован только один индивидуально-авторский квазисиноним — *от фразы*:

В случае любых сомнений можете поднять видео и аудио записи обращений в банк. Ужасное обслуживание! Клиентоориентированности у сотрудников нет *от фразы «совсем нет»!!!* (Банки.Ру. 01.03.2018).

Расширение полюсов оценочности. Упомянутые выше синонимы и квазисинонимы наречия *совсем*, активно участвующие в вариации периферийной части фразеосхемы, служат для оценочной характеристики субъектов того или иного фрагмента высказывания, выступая в функции усилительных наречий-частиц. Не случайно такие наречия называют (в зависимости от синтаксической позиции) полифункциональными [Всеволодова 2000: 68].

Использование выражения «от слова *совсем*» в грамматических конструкциях с предикатами отрицания, отсутствия, недостатка чего-либо, послужившее экспрессивно-смысловой базой формирования фразеосхемы, сохраняется и сейчас (негативная усилительная оценочность):

Если денег нет *от слова «совсем»*, тратим их на самых близких, в первую очередь на малышей, родителей и любимых, — друзья поймут... (Леди@Mail.Ru. 20.12.2010).

Экспрессивный характер модели для выражения абсолютной оценки, т. е. не имеющей градиционной иерархии, приводит к перерастанию исходной негативной оценки в свою смысловую противоположность — позитивную оценку и возможность использования фразеосхемы с предикатами, лексемами с положительной коннотацией:

Варенье, прокопченная деревня, ириски — все это одновременно и без стеснения рвется из бокала. Вкусно *от слова совсем*. Сладковато, густо, очень ягодно... (Рекламный буклет, <https://www.invisible.ru/product/oaked4.4/>);

Антон, когда я поступил в станкостроительный техникум, тоже был «ни в зуб ногой», а когда закончил, был очень хорошо «подкован» (*от слова превосходно*)... (<https://exist.ru/Forum/109939/800236>).

Фразеосхема расширила поле оценочности, и сейчас для нее свойственна амбивалентность аксиологической характеристики того или иного фрагмента высказывания.

Расширение лексического репертуара периферийной зоны. Проникновение экспрессивной модели в медийное пространство сопровождалось расширением лексического состава периферийной зоны. Явственно выделяется две группы лексем, вовлеченных в этот процесс: с одной стороны, отрицательные наречия и местоимения (1), с другой — широкая, лексически открытая и пополняющаяся группа слов разных частей речи в контекстах с выражением чрезмерной экспрессивности (2).

Первая группа (1):

Высшее образование НЕ (прописными восточнике. — А. З.) дает никакой гарантии успешного устройства взрослой жизни. *От слова совсем никакой*. Особенно, если специальность была получена по вашей инициативе (Компьютерная зависимость, www);

И как Грудинина не называй, коммунистом он от этого не станет *от слова никогда* (OpenTown.org. 24.03.2019).

Вторая группа (2) имеет очень разнородный в лексическом отношении состав:

Скидка *от слова «кидалово»* — так нарушитель обозвал акции своих конкурентов (Курский вестник. 28.03.2012);

Тот, кто придумал этот проект, знал об этом, но внушил многим, что это добро и что вы стоите под знаменами «добра», а по факту вы противопоставляете себя всему миру, и смысла в этом нет абсолютно никакого, *от слова «ноль»* (continentalist.ru. 12.07.2016);

Ведь если бы речь шла о двух независимых государствах, то все могло бы быть совсем иначе. *От слова — «фигово»* (Пресс-обозрение (Молдова). 03.07.2017).

Реализующаяся через медийную сферу узуализация модели позволяет пишущим даже использовать фразу в функции предиката, причем сама модель становится носителем нового значения:

Техника безопасности *от слова «зашибись»* (Новости Вологодской области. 22.09.2018).

Очевидно, что в данном заголовке адресантом подразумевается какое-либо оценочное прилагательное со значением ‘предельно плохой; ужасный, отвратительный’, выступающее в предикатной позиции. Адресант расценивает фразеосхему уже как узую, а ее вариацию осмысляет как свежий фразеологизм-окказионализм, обладающий собственной семантикой и прагматикой.

Прагматика гиперинтенсивности. Индивидуально-авторское стремление адресанта сохранить повышенную экспрессивность может толкать пишущих на гипертрофированное нанизывание компонентов в периферийной части, прибегать к языковому жонглированию ими, в результате возникает двойное (и даже тройное) усиление:

Самое удивительное нарушение заключается в том, что прошедшие в Волоколамске выборы не могли быть проведены. *Вообще. Совсем. От слова никогда* (OpenTown.org. 24.03.2019);

Одно дело, если гражданин нарушит правила платной парковки, и совсем другое, коли его отловят пьяным за рулем. Согласитесь, что степень социальной опасности этих двух нарушений *совершенно (от слова абсолютно)* разная (Московский комсомолец. 14.06.2019).

Чрезмерность, избыточность компонентов приводит к истощению и деградации выражения, что в результате обрушивает прагматическую силу фразы до уровня бессмысленного и бессодержательного повтора:

Когда люди красят *всё от слова всё* в цвета своего флага, от чубов вплоть до щебенки на

дорогах, водружают его на купола в другом государстве, но возмущаются, когда их работодатели вынуждают носить униформу этих цветов, — это как называется? (continentalist.ru. 08.01.2018).

Использование аналогичных конструкций в заголовочных комплексах в качестве экспрессивного средства едва ли можно признать удачным журналистским языковым приемом:

«От слова *“совсем”*»: в России отреагировали на заявление промоутера Усика о Поветкине (Obzrevatel.com (Киев). 01.03.2019).

Вынос экспрессивной части парцелированной конструкции в абсолютное начало текста (особенно в заголовочный комплекс) противоречит структурно-синтаксическому месту парцеллята. В таких случаях происходит обесмысливание экспрессемы, следствием могут явиться: 1) коммуникативная необходимость обновления компонентов; 2) замена другим экспрессивным комплексом; 3) отмирание. В этом заключается языковая логика феномена крайней (предельной) степени экспрессивности, доведенной до своего смыслового предела и уже препятствующей коммуникации.

Фразеосхема как парцелированная конструкция. Синтаксическая аномальность данной модели в письменном медийном пространстве сближает ее с парцелированными конструкциями как элементом экспрессивного синтаксиса (в блогах, социальных сетях, публицистике). Этот синтаксический феномен начал активно развиваться в русском языке особенно с конца XIX в.: «Парцелированные конструкции были распространены еще в художественной литературе XIX и начала XX века и более всего манифестировали “рубленную” прозу, т. е. прозу с нарушением синтаксической цельности и связей в предложении, сильно интонированную и как бы разбитую на куски, если сравнивать ее с классической, синтагматической, где предложение представлено как единый, хорошо организованный сплав» [Акимова 1981: 114] (аргументацию и многочисленные примеры см.: Русский язык... 1968, 3)).

Парцелляция — элемент экспрессивного синтаксиса, служащий для акцентирования (с точки зрения говорящего) рематической (новой) части высказывания. Как правило, парцелляция не выражает конкретную эмоцию, но является оценкой всей конституции

и прикрепляется к выбранному говорящим элементу высказывания [Сквородников 1978; 1981]. Парцелляция обслуживает личную сферу говорящего, который стремится путем расчленения фразы на акцентируемые части придать своему сообщению особую экспрессию и вследствие этого оказать на собеседника дополнительное эмоционально-прагматическое воздействие [Кутова и др. 2005: 132; Ильенко 2009: 232; Романова 2021: 315]³. Парцеллят стоит после базовой (основной) части, которую он усиливает, происходит «разрыхление» синтаксической конструкции (В. Г. Адмони, И. Р. Гальперин, Г. Н. Акимова), что оказывает влияние на постановку пунктуационных знаков, которые начинают использоваться весьма непосредственно, сбивчиво.

В предложении фразеосхема «от слова *совсем*» (с вариациями) может быть:

а) выделена запятыми, скобками, тире, точкой (с разрывом предложения):

Когда я в ноябре (!) решила забронировать Беловежскую пушу (мы с мужем придумали на каникулах показать детям зубров), номеров там не было совсем, *от слова вообще...* (Комсомольская правда. 12.01.2019);

Вы набрали в одно и то же время (дни) множество займов в различных МФО (микрофинансовых организациях. — А. З.) и ни по одному из них не производили оплаты (*от слова совсем*) (Асанова. Путь начинающего должника);

...я по своему опыту знаю, что заставить себя заниматься фитнесом дома невозможно. *От слова никогда* (Metro (Санкт-Петербург). 12.04.2018);

б) не выделена (также возможны написания с «закавычиванием» периферийной части):

К префектам не пробиться, они спрятались за забором, и простой человек не попадет на прием *от слова никогда* (Свободная пресса. 15.06.2019);

В интернете можно найти множество объявлений, по которым достаточно отправить документы на автомобиль, заплатить 500 рублей и получить диагностическую карту в течение получаса максимум. Но и вне сети такая практика имеет место быть — в компаниях не смотрят на машины *от слова «совсем»* (Крымская правда (Симферополь). 02.03.2021).

³ См. также: Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. С. 297.

Выводы. Подведем итоги рассмотрения фразеосхемы и ее вариаций в русском языке.

Появление фразы «от слова *совсем*» можно отнести к началу XXI в. в языковой среде программистов и компьютерщиков, использовавших грамматическую модель «*X происходит от слова Y*» в качестве исходной базы для создания экспрессивной фразы с целью выражения негативной оценки того или иного фрагмента высказывания. Возможное лингвоэстетическое влияние можно усмотреть в паронимической аттракции (например, *художник от слова худо*), использующейся в русской литературе и публицистике.

Фразеосхема «от слова *совсем*» представляет собой полевую структуру: ядро (*от слова*) и периферийную часть, выражающую оценку со стороны адресанта. Генезис фразеосхемы связан с двумя процессами: а) десемантизацией: словоформа *от слова*, утрачивая лексическое значение, выступает для коммуникантов лишь как формально-языковой сигнал оценки; б) грамматической трансформацией наречия *совсем*, выступающего в функции усилительной частицы. Фразеосхема построена как игровой (намеренный) аграмматизм, являющийся одной из характерных черт компьютерной коммуникации и толерантно воспринимаемый респондентами.

Увеличение числа пользователей электронно-компьютерными устройствами способствовало вовлечению сленговой фразеосхемы «от слова *совсем*», выступающего в общее употребление, что, в свою очередь, привело к значительному лексическому расширению периферийной части конструкции.

Стремление адресантов выразить в периферийной зоне чрезмерную, гипертрофированную степень индивидуально-авторской оценочности разрушает конструкцию, низводя ее на уровень бессодержательной тавтологии и начинает противоречить коммуникативно-экспрессивной сущности парцелированной конструкции как феномена экспрессивного синтаксиса.

Пунктуационное выделение модели (в разных вариациях) как парцелированной конструкции осуществляется в письменных источниках непоследовательно и хаотично.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова Г. Н. Развитие конструкций экспрессивного синтаксиса в русском языке // Вопросы языкознания. 1981. № 6. С. 109–120.
2. Белоусов С. С. *От слова совсем* как грамматическая конструкция // Ученые записки Петргу. 2016. № 7–1 (160). С. 72–77.
3. Вознесенская М. М., Северская О. И. «Ни разу от слова совсем»: усилительная семантика сленговых аграмматизмов // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: сб. науч. тр. Международного научного симпозиума. Ярославль, 2019. С. 470–480.
4. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М.: Изд-во Московского университета, 2000. 501 с.
5. Иванов Л. Ю. Язык интернета: заметки лингвиста // Словарь и культура русской речи / под ред. Н. Ю. Шведовой, В. Г. Костомарова. М.: Индрик, 2001. С. 131–148.
6. Ильенко С. Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. 399 с.
7. Колесникова С. М. Современный русский язык: в 3 т. Т. 1: Фонетика. Орфография. Лексикология. Словообразование. М.: Юрайт, 2019. 306 с.
8. Компьютерная зависимость у подростков: как лечить? // Детский возраст. Интернет-журнал о здоровье, развитии, психологии, воспитании и обучении детей [Электронный ресурс]. URL: <https://childage.ru/psihologiya-i-razvitie/detskaya-psihologiya/kompyuternaya-zavisimost-u-podrostkov-kak-lechit.html> (дата обращения: 05.06.2021).
9. Кустова Г. И., Мишина К. И., Федосеев В. А. Синтаксис современного русского языка. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 256 с.
10. Литневская Е. А. Письменная разговорная речь: миф или реальность? // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2011. № 5. С. 67–82.
11. Масалыгина П. Большая книга о любимом русском. М.: АСТ, 2020. 192 с.
12. Михайлова А. «Интересно, от слова совсем». Как в интернет-дискусе используется «от слова совсем»? [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/@hasenliebhaber-interesno-ot-slova-sovsem-kak-ispolzuetsya-v-internet-diskur> (дата обращения: 20.05.2021).
13. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1980. 207 с.

14. Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование: в 4 кн. / под ред. М. В. Панова. Кн. 3: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М.: Наука, 1968. 367 с.

15. Пешковский, А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А. М. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика: сб. статей. Л.; М.: Государственное издательство, 1925 [стереотип. переизд. 2014. 191 с.]

16. Романова Н. Н., Филиппов А. В. Стилистика и стили. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2012. 416 с.

17. Сквородников А. П. О классификации парцелированных предложений в современном русском литературном языке // Филологические науки. 1978. № 2. С. 58–67.

18. Сквородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. 256 с.

19. Степанов Ю. С. Французская стилистика (в сравнении с русской). М.: Эдиториал УРСС, 2002. 359 с.

20. Трофимова Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России: функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. 2-е изд. М.: РУДН, 2011. 436 с.

21. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 318 p.

REFERENCES

1. Akimova G. N. Development of the constructions of expressive syntax in the Russian language. *Voprosy yazykoznaniya = Linguistic issues*. 1981;6:109–120. (In Russ.)

2. Belousov S. S. Ot slova sovsem as a grammatical construction. *Uchenye zapiski PetrSU = Scientific notes of PetrSU*. 2016;7–1(160):72–77. (In Russ.)

3. Voznesenskaya M. M., Severskaya O. I. "Ni razu ot slova sovsem": emphasizing semantics of slang agrammatisms. *Russkaya grammatika: aktivnye protsessy v yazyke i rechi: sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma = Russian grammar: active processes in language and speech: collection of scientific papers of the international scientific symposium*, 17–19 May 2019. Yaroslavl, 2019. P. 470–480. (In Russ.)

4. Vsevolodova M. V. Theory of functional-communicative syntax: A fragment of the applied (pedagogical) language model. Moscow: Moscow University Publishing House, 2000. 501 p. (In Russ.)

5. Ivanov L. Yu. The language of the Internet: notes of a linguist. *Slovar i kultura russkoi rechi =*

Dictionary and Culture of Russian Speech / N. Yu. Shvedova, V. G. Kostomarov (eds.). Moscow: Indrik, 2001. P. 131–148. (In Russ.)

6. Ilyenko S. G. Communicative-structural syntax of the modern Russian language. Saint-Petersburg: Publishing house of the RGPU im. A. I. Herzen. 2009. 399 p. (In Russ.)

7. Kolesnikova S. M. Modern Russian language: in 3 vol. Vol. 1: Phonetics. Spelling. Lexicology. Word formation. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 306 p. (In Russ.)

8. Computer addiction in adolescents: how to treat it? *Detskiy vozrast = Childhood*. Online magazine about health, development, psychology, upbringing and education of children [Electronic resource]. URL: <https://childage.ru/psihologiya-i-razvitie/detskaya-psihologiya/kompyuternaya-zavisimost-u-podrostkov-kak-lechit.html> (accessed: 5.06.2021) (In Russ.)

9. Kustova G. I., Mishina K. I., Fedoseev V. A. Syntax of the modern Russian language. Moscow: Academy, 2005. 256 p. (In Russ.)

10. Litnevskaya E. I. Written colloquial speech: myth or reality? *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya = Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology*. 2011;5:67–82. (In Russ.)

11. Masalygina P. A big book about beloved Russian. Moscow: AST, 2020. 192 p. (In Russ.)

12. Mikhailova A. "Interesting, ot slova sovsem". How is "ot slova sovsem" used in Internet discourse? [Electronic resource]. URL: <https://vk.com/@hasenliebhaber-interesno-ot-slova-sovsem-kak-ispolzuetsya-v-internet-diskur> (accessed: 20.05.2021). (In Russ.)

13. Mokienko V. M. Slavic phraseology. Moscow: Higher school, 1980. 207 p. (In Russ.)

14. Russian language and Soviet society: sociological and linguistic research: in 4 b. B. 3: Morphology and syntax of the modern Russian literary language / M. V. Panov (ed.). Moscow: Science, 1968. 368 p. (In Russ.)

15. Peshkovsky A. M. Objective and normative point of view on the language // Peshkovsky A. M. Digest of articles. Native language methodology, linguistics, stylistics, poetics. Leningrad; Moscow: State Publishing House, 1925 [2014. 191 p.] (In Russ.)

16. Romanova N. N., Filippov A. V. Stylistics and styles. 2nd ed. Moscow: Flinta, 2012. 416 p. (In Russ.)

17. Skovorodnikov A. P. On the classification of parcellated sentences in the modern Russian literary language. *Filologicheskie nauki = Philological sciences*. 1978;2:58–67. (In Russ.)

18. Skovorodnikov A. P. Expressive syntactic constructions of the modern Russian literary

language. Tomsk: Publishing house of Tomsk University, 1981. 256 p. (In Russ.)

19. *Stepanov Yu. S.* French stylistics (in comparison with Russian). Moscow: Editorial URSS, 2002. 359 p. (In Russ.)

20. *Trofimova G. N.* Linguistic taste of the Internet era in Russia: the functioning of the Russian

language on the Internet: conceptual and essential dominants. 2nd ed. Moscow: RUDN. 2011. 436 p. (In Russ.)

21. *Crystal D.* Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 318 p. (In Engl.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Александр Васильевич Зеленин, доктор филологических наук, лектор

Aleksandr V. Zelenin, Doctor of Science (Philology), lecturer

Статья поступила в редакцию 13.06.2021; одобрена после рецензирования 20.07.2021; принята к публикации 22.08.2021.

The article was submitted 13.06.2021; approved after reviewing 20.07.2021; accepted for publication 22.08.2021.